

Татьяна Орбатова

Всё мысли, кажется, ветер смел – мелькнул над нами, убив дракона. Чернее угля войны пробел, белее смерти на пне ворона – клюёт орешек, вдыхает пыль, а пыль от солнца всё золотится. Небесна небыль, земная быль теряет время в своих зарницах. Не чуя почвы, отчаянно грудятся речи в большие стай. И есть в них что-то от чаек, но они над волнами не летают. Они качают в себе войну, в них мирный атом звереет быстро. Они – волна, и несёт волну на чью-то пристань.

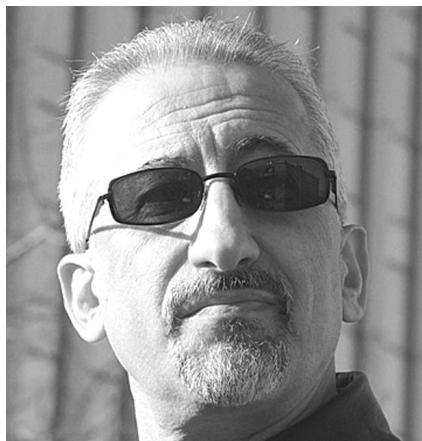
Одесса. Опять февраль.
Фото Анны ГОЛУБОВСКОЙ

Семен Абрамович

Январские сумерки – скомканный день. По серому небу закатная тень ползёт по обшарпанным стенам строений, меняясь по форме с изысканной ленью. Касается стёкол безмолвных окон. И эти пастели, как душ, как озон, бликующий свет заливают в торшер, и ты окунаешься в глубь стратосфер. О чём твои мысли, пылинки Земли? О мире ранимом, о горе войны? А может о счастье в окопах беды? О дьявольских лапах, приравнивших бразды? Безмолвие давит своей тишиной. Безсловие давит своей глубиной. Ответа не будет – ответ в тираже. Вопросы на грани и на рубеже. За красною нитью лишь пропасть лежит – кричить украинский, благе и врит... Уж, полночь негромко пробил часы. Бессоницу – сон, водрузил на весы мой враг. Что ему до меня... опять мерзких дронов влетает толпа. Бьёт в уши тревога взыванием ног. Набрось мне на плечи, о Господи, лот Согрей мою душу, прошу... и молю за каждого, кто, приближаясь к нулю, свою жизнь приносит, как встарь, на победный алтарь...

01.02.2024.

РЕКВИЕМ ТРЕВОЖНОЙ НОЧИ...

И снова дроны, снова дроны, прожужжав нырнули в кроны, душу дьяволу отдав. И земля как будто стонет, свай в землю взрывы гонят – самой страшной из октав. Это бьёт не баба-копра. Это сердце бьётся в рёбра. Камертоны у висков. Это ночь гудит тревожно, и от боли невозможной, и от горя стынет кровь. Это катятся слезинки

24-25.01.2024

МОНОЛОГИ

1.

Всякий раз, когда пытаешься изменить судьбу, она оказывается твоим зеркалом. Она в тебе, в твоих глазах, мыслях, словах и желаниях. Она всегда в твоих действиях. Если ты ещё не видишь её в себе, она оказывается твоей спутницей – идёт рядом, стоит за спиной, маячит впереди. Чаше всего твоя судьба тесно переплетена с культурным слоем твоей семьи. Но однажды, когда ты вдруг осознаешь, что собой представляет твоя судьба, приходит усталость. Усталость не от жизни – от собственной суеты. Смотришь по сторонам и видишь суету других, пытающихся «изменить судьбу». Много войны в этом – войны с собой и другими людьми. Но мира нет. Нет жизни с миром. Нет любви к миру и благодати. Есть невежество, желания, страсти и воздыхания о «покое, который только снится». Ты видишь, что иногда кто-то доживает до старости, и к нему приходит иллюзия покоя. У него нет покоя, есть отсутствие сил и энергии. Но почти всегда в этом мнимом покое прорастает досада и даже отчаяние – из-за отсутствия времени и энергии, «чтобы изменить судьбу». Судьбу изменить нельзя, но можно попробовать стать лучшей версией самого себя – если найти в себе и вырастить то самое лучшее, что уже заложено. Какого именно себя вырастить (худшую свою версию или лучшую) – только твой выбор.

2.

Две стены. Когда включается воздушная тревога, это транслируется непременно – две стены. Две несущие стены. Они могут спасти. Но людей тянет к окнам, чтобы увидеть. Воображение играет в разные игры. Кто-то назовёт это испорченным зрением, кто-то даже безумием, но ты подходишь к окну и видишь, что окно возможностей уже закрыто. И тотчас что-то стучит в стену. Но тебе кажется, это стук по стеклу. Может, дождь. Или ветка дерева? Ты смотришь из окна своей квартиры. Упираешься лбом в стекло. Летом видишь зелень за окном, синее небо, людей по двору, на улице или в парке. Осенью опадают листья, летят под ноги. Впрочем, им всё равно куда лететь. Ими усыяны все тротуары и земля. Если это зима –

ты видишь снег, птичьи следы на снегу, дети играют в снежки. Где-то там и ты с ними. Весной ты радостно дышишь её воздухом, её сладким духом и младостью. Ты видишь в этом саму жизнь, и она в движении.

Но ты всегда смотришь из самого себя. Упираешься лбом в стену своего внутреннего дома, думаешь, это окно. Думаешь, многое зависит от того, что было вчера или будет завтра. Но без тебя не было бы твоего вчера и не будет твоего завтра. Ты подходишь к окну, открываешь его, думаешь: свежий воздух. Ты чувствуешь воздух стенами своего внутреннего дома. Именно эти стены знают трещины твоего мира. Ты видишь пейзаж, собачку, людей. Вот мальчик бежит, за ним спешит дедушка. Они улыбаются. Начинается дождь, дедушка и мальчик топают по лужам, им радостно, они счастливы. Но дождь всё сильнее – ливень. Ты смотришь на дождь, не понимая, что это твои слёзы. Они льются из водосточных труб. Мелодия водосточных труб? Ты вспоминаешь стихи известного поэта и думаешь: всё уже давно сказано. Всё последующее вторично. Очередная версия повторяющегося мира. Ты смотришь на чужие открытые окна, думая, что там, возможно, есть что-то стоящее, неповторимое, настоящее.

Но твои стены могут рассказать тебе о настоящем больше, чем чужие открытые окна.

*

За несколько месяцев до войны приснился Артём в чёрной одежде. Сказал: «Не волнуйся, мама. Со мной всё хорошо, но ко мне возвращаются друзья. Совсем скоро придут многие». Я обернулась и увидела их. Они шли рядами, направлялись к нам, улыбались, шумно приветствуя Артёма. Их было много.

Сын смотрел на них, не улыбаясь. После пробуждения первая мысль была о войне. Позже узнала, что в тот день хоронили друга Артёма.

*

Когда гнев захлёстывает меня, не пишу. В гневе и ненависти нет поэзии. Нет той поэзии, которая мне близка.

Не пишу. Но вслух проклинаю всех, кто затеял эту войну; всех, кто воюет против нас; всех, кто поддерживает оккупантов и оправдывает войну.

Не знала, что способна проклинать.

*

Приснился Артём в полевой форме, выцветшей от летнего солнца. Он был с ребятами на балконе незнакомого мне дома, что-то оживлённо обсуждал. Я стояла на улице под балконом, смотрела на сына, любовалась его красотой, жизнерадостностью, не понимая, почему он в военной форме. Окликнула его. Артём взглянул на меня, улыбнулся и спрятался. Когда проснулась, первая мысль: Артёму принесут повестку.

Вторая: его нет двенадцать лет, не может быть, чтобы принесли.

*

Прошло всего несколько дней, Артёму принесли повестку.

Мужчина в военной форме, парень в штатском, женщина с тетрадкой. Не поверили, что сына нет в живых. Попросили свидетельство о смерти.

Извинялись, дескать, база данных давно не обновлялась.

*

Что бы я ни начинала сейчас писать, очередные новости отменяют написанное.

Сколько вокруг боли и горя! Страшные преступления совершают россияне.

Словами не передать всё, что происходит в моём сознании.

Слова кажутся слишком мягкими – слабее эхо моих эмоций.

От пафоса и экзальтации меня корбит. Иногда просто хочется кричать. Мат корбит. Но мат прорывается и во мне.

*

Против кого они воюют? Кого спасают? Ровесники моего сына уже выросли. Они любят Украину. Прежде всего, это их страна. Многие из них создали свои семьи, у них родились дети.

Многие в Украине были русскоговорящими. Но к нам пришла война под видом «русского мира».

Они пришли, чтобы убивать наших детей и внуков. Их мир – это наша смерть.

Смерть людей и выжженную землю они называют миром.

Юрий Михайлик

Иноагенты – сплошь интеллигентны, кого счастливый случай поберег, их ярлыки как орденские ленты, как сказанное ими – поперек.

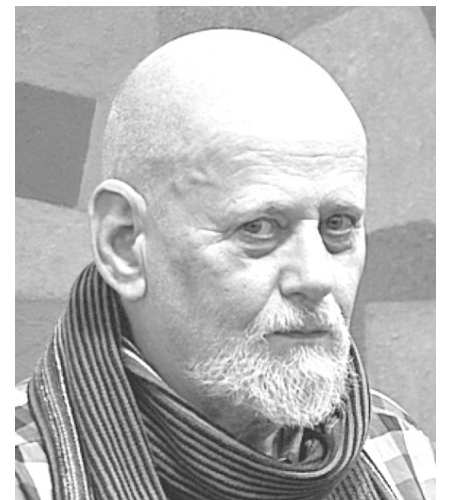
Как будто иностранные, шальные, и все надежды их обречены, в родных пейзажах – странные, иные. Мне очень жаль, что нет такой страны.

Мне жаль, что горечь выгорит дотла, что в мире вовсе нет такой разведки, которая б прочла и поняла за триста лет их речи и заметки.

Из тайных жил их вымыла природа, блестя в песке как горная слюда.

Они, конечно, вышли из народа. Вернись в него – и сдохнешь со стыда.

Игорь Божко

стихи мои плачут их слёзы по веткам стекают деревья зимой укоряют меня мол чёрные птицы им снятся но как им помочь я не знаю я – просто пустые слова размытые зимним дождём чугунные ветки... им больно чугунными быть. стихи мои плачут но как им помочь я не знаю им снятся деревья зимой размытые чёрной водой чугунные слёзы на ветках а птицы – им что... и мертвые будто живые не могут понять почему – слова так просты и пусты.

2024